

ЖИЗНЬ ИНТЕРЕСНЕЙ!

Советская Кушница
8 июня 1961.

ЭТОЙ весной довелось побывать в творческой командировке в городе Горьком и на Балахнинском бумажном комбинате. Много было интересных встреч с рабочими, инженерами, партийными работниками, журналистами и актерами Областного театра имени Горького. Особенно интересной оказалась встреча с драматургом Геннадием Ивановичем Федоровым.

Много ярких характеров, много замечательных биографий наших современников знает драматург. Особенно интересным был его рассказ о женщине-коммунистке, председателе колхоза, поехавшей добровольно по зову сердца работать на село. Недружелюбно вначале встретили ее в колхозе (ждали мужика, агронома, а приехала женщина, да еще городская). Чего ей стоило сломить недоверие к себе, повести за собой людей!

Я слушал Геннадия Ивановича Федорова, и передо мной постепенно вырастала фигура нового человека, подлинной героини наших дней, человека твердой воли, красивой и благородной души.

— Хочу написать о ней пьесу, — сказал на прощание Геннадий Иванович.

Прошло некоторое время, и я снова встретился с Геннадием Ивановичем Федоровым на семинаре драматургов Российской Федерации в Щелькове.

— А знаете, я написал пьесу о той председателнице колхоза, — сказал он. Я взял у него пьесу и тут же начал читать, но чем дальше читал, тем все больше и больше «злился» на драматурга.

Когда он рассказывал о своей героине, я видел его горящие глаза, его влюбленность в ее образ, захваченность ее делами, а в пьесе все выглядело знакомым, обычным, будничным, и даже самые острые сцены мало волновали.

Почему же так получилось?

Потому что живую жизнь вытеснило ремесло. Ремесло увело драматурга на проторенную дорожку, к знакомым ситуациям и штампам. Ремесло и только ремесло не позволило ему преодолеть общеизвестную традиционность письма.

Было бы, конечно, неверно утверждать, что в пьесе Г. Федорова «Повесть о простом коммунисте» нет ничего хорошего. Нет, напротив, имеется немало интересных сцен, верно намечен центральный образ. Пьеса еще в работе. Ей рано ставить окончательную оценку. Лично я очень верю, что пьеса получится и будет интересной.

Но недостатки этого произведения присущи и многим вышедшим из-под пера других драматургов пьесам.

На семинаре в Щелькове пришлось прочитать довольно много произведений, разных по степени мастерства и таланта их авторов, по завершенности, но одно бросалось в глаза — их некоторая традиционность. И дело не в традиционности формы, не в том, что многие из них написаны по строгим драматургическим канонам, без использования новомодных приемов, что в них нет ни ведущих, ни автора в качестве «активно» действующего лица. Дело совсем не в этом.

Наша драматургия за последние годы далеко ушла вперед. Сегодня мы значительно глубже изображать жизнь, образ мыслей и чувства советских людей. Однако некоторые из нас по-

чему-то усиленно держатся за старое, забывают, что зритель приходит в театр не для того, чтобы выслушать лекцию драматурга о работе доильных аппаратов и специфике эксплуатации сенокосилок. В случае необходимости зритель из любой популярной брошюры, написанной специалистом, извлечет все необходимые ему знания. Мы же почему-то усиленно пытаемся напигитовать наши пьесы техническими терминами, специфическими вопросами, которые важны для людей какой-то одной специальности, но просто мало понятны для всех прочих. Мы (и я в том числе) порой забываем ту истину, что зритель может взволновать лишь человеческая судьба, яркий, интересный характер.

Не будет открытием, если я скажу, что наша драматургия сегодня идет по линии глубокого показа человеческих характеров. Этот путь мне кажется верным, если при этом драматургия будет активно стремиться к широте охвата нашей действительности. Но чего очень недостает ей и особенно пьесам о людях нашей деревни — это поэтичности, романтической приподнятости. Мы не всегда поэтически осмысливаем свои темы и сюжеты. Очень не хватает нашим образам, особенно центральным, воздуха. Слишком уж порой мы приземляем героев.

Конечно, о чем бы мы ни писали, нам не обойти производственных вопросов, и обходить их нельзя, ибо человек раскрывается только в труде, в процессе активной трудовой деятельности. И я ратую не за то, чтобы мы не говорили в своих пьесах о производстве, нет. Я решительно против одного — против того, чтобы производственные вопросы заслоняли показ внутреннего мира человека. Я против лекций по техминимуму в наших пьесах, ибо это противоречит природе театра в частности и природе искусства вообще.

Именно в силу этих недостатков, на мой взгляд, многие пьесы о людях деревни не выходят на большую сцену, а нам, драматургам, приходится выслушивать горькие упреки режиссеров, актеров, наших зрителей. Правда, в этих упреках иногда проскальзывают и обывательские нотки. «Что вы нам рекомендуете пьесы о деревне, зритель же на них не ходит».

Что ж, бывает и так. Но верно ли делать из этого вывод, что у городского зрителя нет интереса к пьесам, изображающим людей нашего села? Нет. Весь вопрос, очевидно, в том, насколько интересно, впечатляюще мы показываем этих людей, их жизнь.

Только поверхностным, пренебрежительным отношением к важнейшей теме можно объяснить длительную волокиту с пьесой Л. Гераскиной «Показуха» («Марюта ищет жениха») в Московском театре имени Ермоловой. Я не склонен амнистировать недостатки произведения. Они, видимо, есть. Но театр не мог не заметить, что в пьесе использован живой материал, что в ней имеются интересные характеры, что она затрагивает самые жгучие вопросы современной нам сельской жизни.

Подобные примеры можно было бы, очевидно, умножить, но дело не в количестве примеров. Ясно одно, что труженики деревни еще не

заняли подобающего им места на нашей сцене.

Здесь проявляется несколько неточное представление о нашей деревне среди театральных работников. Кое-кто о ней судит по старинке, по ветхозаветным книгам или своим юношеским воспоминаниям. А она уже совсем не та. Замечательные процессы, происходящие сейчас в сельском хозяйстве, тот крутой подъем, который наблюдается по всему фронту, новая техника, пришедшая на поля, новые методы руководства — все это наложило особый отпечаток на духовный склад нашего современника. Каких людей встречаешь в нашей деревне, какие удивительные характеры! Как зримы в них черты подлинного коллективизма, те приметы, которые мы по праву считаем характерными для человека дня завтрашнего!

К сожалению, мимо этих огромных сдвигов проходили отдельные работники советского театра, драматургии.

Но следует здесь же отметить, что в последнее время появились новые пьесы о нашем селе, показавшиеся мне интересными.

Например, пьесы Д. Зорина «Весенний гром», К. Фина «Начало жизни», В. Лаврентьева «Иван Буданцев» и «Ради своих близких», В. Любимовой «Возле старых ясеней», И. Назарова «Один колос — еще не хлеб», В. Блинова «Беглец», М. Терентьева «Кукушка все кукует», Ф. Волохова «Соловьи, соловьи», В. Чикова «Как называется рожь» и другие.

Естественно, произведения эти неравноценны. Но в каждом из них есть приметы нашего времени, горячая любовь к изображаемому людям, подлинное знание жизни.

Эти пьесы выгодно отличаются от пьес гладеньких, ровненьких, в которых, как говорится, нет ни сучков, ни задоринки, все разложено по полочкам ловкой рукой ремесленника. Они выгодно отличаются потому, что в них мы чувствуем дыханье жизни, слышим живую речь, соприкасаемся с горячими раздумьями героев.

К активному вторжению в жизнь нас, драматургов и деятелей советского театра, призывает Н. С. Хрущев в своем выступлении «К новым успехам литературы и искусства». И для советского литератора, и работника искусств нет ничего выше, чем поставить свой талант на службу народу, партии, ее великим целям — делу воспитания нового человека, делу борьбы за коммунизм. Эта возвышенная цель требует от нас сегодня, как никогда, глубокого знания жизни, серьезного, неустанного повышения уровня своего литературного мастерства.

Советский зритель терпеливо ждет встречи с героем-современником, с гордым буревестником нашей великой эпохи. Его желания законны. Мне думается, в наших силах приблизить день такой встречи.

И. КУПРИАНОВ,
драматург.

330